

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

А.М. Руткевич

**ВРЕМЕНА ИДЕОЛОГОВ:
ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ
«КОНСЕРВАТИВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ»**

Препринт WP6/2007/02

Серия WP6

Гуманитарные исследования

Москва
ГУ ВШЭ
2007

Редактор серии WP6
«Гуманитарные исследования»
И. М. Савельева

Издание осуществлено в рамках
Инновационной образовательной программы ГУ ВШЭ
«Формирование системы аналитических компетенций
для инноваций в бизнесе и государственном управлении»

Руткевич А. М. *Времена идеологов: Философия истории «консервативной революции»*. Препринт WP6/2007/02. — М.: ГУ ВШЭ, 2007. — 36 с.

Философия истории, будучи умозрительной философской дисциплиной, не обязательно связана с идеологией — она может быть и совершенно аполитичной. Однако любая разработанная идеология предполагает некую схему всемирной истории, позволяющую соединить прошлое, настоящее и будущее. В данной статье рассматривается философия истории «консервативной революции», идеологического течения времен Веймарской республики, сочетающая в себе элементы консервативной ориентации на прошлое и присущий социализму утопический проект будущего.

УДК 930.1
ББК 87

Rutkevich A. *Times of Ideologists: Philosophy of History of the «Conservative Revolution»*. Working paper WP6/2007/02. Moscow: State University — Higher School of Economics, 2007. — 36 p. (in Russian).

Philosophy of history, being a speculative philosophical discipline, isn't necessarily an ideology — it can be completely apolitical. But every developed ideology presupposes one or another scheme of world history, connecting past, present and future. This article analyses philosophy of history of the «conservative revolution» ideology in the times of Weimar Republic, which blended the elements of conservative appreciation of the past with inherent to socialism utopist project of the future.

Препринты ГУ ВШЭ размещаются на сайте:
<http://new.hse.ru/C3/C18/preprintsID/default.aspx>.

© А. М. Руткевич, 2007
© Оформление. Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007

Философия истории напрямую связана с политическими доктринами XIX–XX вв. — она составляет ядро либеральной и социалистической идеологий, она является «исток и тайной» деклараций прав и свобод, деятельности партий и движений, писаний множества интеллектуалов. Однако социализм, либерализм, консерватизм представляют собой не философские учения, это — основные идеологии двух последних столетий, сформировавшиеся практически одновременно в первой трети XIX в. В отличие от кабинетных ученых, созерцающих прошлое и настоящее ради познания, идеологи вовлечены в политическую борьбу. Они неизбежно увязывают споры о прошлом с решением проблем сегодняшнего дня и с проектами будущего. «Кто контролирует прошлое, контролирует и будущее; кто контролирует настоящее, контролирует прошлое» — даже если не все идеологи буквально следуют этим предписаниям из романа Оруэлла, отношение идеологии к прошлому отлично от отношения к нему науки. Философия истории далеко не всегда служит идеологии (она может быть предельно аполитична), но идеологии XIX–XX вв. всякий раз увязывали проект будущего с целостным видением исторического прошлого. Более того, становление исторической науки в XIX в. в огромной мере определялось появлением такого «заказчика», как национальное государство.

Разумеется, далеко не все писавшие истории наций и классов в последние два столетия были идеологами. Времена преобладания идеологических трактовок прошлого нам хорошо известны: это — периоды революций и гражданских войн, резких социальных изменений, захватывающих не только массы и их вождей, но также осмысляющих и пишущих историю¹. В европейской истории трудно сравнить любую другую эпоху с периодом между двумя мировыми войнами по напряженности идеологических поисков и переосмыслению всех предшествующих времен. Э. Нольте назвал это время эпохой «европейской гражданской войны» — сочетание межгосударственных конфликтов с классовой борьбой наложило отпечаток на весь XX в. и донныне дает о себе знать не только в политике, но и в области всей нашей культуры. Наша «современность» начинается с Первой мировой войны. В Германии одним из наиболее интересных порождений того времени была идеология «консервативной революции».

Это словосочетание вызывало дебаты прежде всего из-за прилагательного, которое кажется никак не сообразным — консерваторы по определению являются противниками революций. Но слово «революция» настолько прочно вошло в словарь современности, что первоначальное значение

¹ На особенности видения прошлого во времена революций обращал внимание уже Буркхардт (см.: *Буркхардт Я.* Размышления о всемирной истории. М.: РОССПЭН, 2004. Гл. IV «Исторические кризисы». С. 140–167).

этого слова практически утрачено. Оно употребляется сегодня чаще всего в значении резких положительных перемен, при появлении чего-то невиданного. Новое оказывается синонимом лучшего, полезного для человеческого рода — мы имеем дело с «мифом революции», в котором творческие усилия всегда принадлежат небольшой группе борцов за «светлое будущее», а противниками оказываются «реакционеры» или «косная масса». Сегодня это слово употребляется применительно к новой модели компьютера или автомобиля, новой моде в архитектуре или литературе, к театральной постановке или к любому протесту против чего бы то ни было. «Индустриальная революция», «культурная революция», «научные революции» и т. п. термины имеют право на существование, но все они прямо или косвенно отсылают нас к сфере политики. На вопрос французского короля: «Это — бунт?» придворный ответил: «Нет, сир, это — революция». Смена одного политического режима другим в результате кратковременной или длительной борьбы отличается и от переворота, и от бунта. Революционерами в таком случае являются те, кто вел борьбу со «старым порядком», дабы утвердить иной порядок. Противников таких перемен именуют «контрреволюционерами» или «реакционерами».

Так как «миф революции» имеет очевидное «левое» происхождение, правые движения, нацеленные на смену существующего порядка, объявляются «контрреволюционными». Это вызывало и вызывает бесконечные споры среди «левых» истолкователей фашизма и национал-социализма — идеологий, которые не вписываются в этот миф по той причине, что осуществлявшаяся в Италии и Германии смена режима явно не отвечала устремлениям самих «левых». Поэтому правый радикализм в целом и фашизм в частности всякий раз относят к «защитникам отжившего строя», нанятым собственниками бандам убийц и т. п. Но серьезные ученые давно избавились от подобного рода слепоты². Бунт масс радикализованной мелкой буржуазии против существующего порядка ничуть не менее «революционен», чем сходные действия социалистов и коммунистов. Фашизм проводит мобилизацию масс, которые вслед за рвущимися к власти новыми элитами отвергают прежние этические и политические ценности. Традиционные правые партии всеми силами стремятся ограничить участие

---

² В отличие от левых публицистов, они указывают на исторические обстоятельства появления фашизма. Как писал Р. Ремон: «Фашизм по-своему проистекает из демократии. Без революции 1789 г. и перехода суверенитета от монарха к народу, фашизм немислим. Фашизм притязает на национальный суверенитет. Конечно, он его конфискует, но он его предполагает. Его легитимность не имеет ничего общего с легитимностью Старого Порядка, которая находила свое обоснование в прошлом, в порядке природы и традиции» (*Remond R. Introduction a l'histoire de notre temps. Le XX-e siècle. Paris: Seuil, 1974. P. 129.*)

масс в политике, они никоим образом не мечтают о преобразении самих масс, тогда как фашизм немислим без стремления создать «нового человека». Отличие фашистских движений от традиционных правых, будь они даже самыми консервативными и «реакционными», не замечают только сторонники всеобъясняющей доктрины, для которой любые берущие в руки оружие сторонники сохранения частной собственности уже являются «фашистами». За средними слоями признается право совершать революцию, если она подобна революции 1789 г., и если террор, устраиваемый такой буржуазией, служит «прогрессу». Если же тот же самый слой устраивает бунт против наряженной в парламентские одеяния плутократии, то это уже никакая не революция, а «реакция». Понятны причины таких оценок — головы летят не у «тиранов» (вроде Людовика XVI и Николая II), а у «борцов за светлое будущее».

Термин «консервативная революция» сегодня слишком часто употребляется для обозначения явлений, которые не имеют ни малейшего отношения к историческому контексту. В России первым политиком, заявившим о «необходимости консервативной революции», был тогдашний премьер-министр В. Черномырдин; ныне о ней пишут в связи с то «управляемой», то «суверенной демократией». Можно вспомнить и о потоке статей, характеризующих посредством этого словосочетания неоконсерваторов из администрации Дж. Буша. Делается это не всегда по невежеству: вряд ли в таковом можно обвинить Г.А. Винклера, одного из наиболее уважаемых историков ФРГ³.

В данной статье речь пойдет исключительно о немецких политических идеях во времена Веймарской республики, хотя, разумеется, сходные идеи обнаруживаются в этот период и в других европейских странах. Социал-империализм ряда теоретиков Фабианского общества в Англии, *Action française*, учение о «пролетарских и капиталистических нациях» итальянских националистов, доктрина *Hispanidad* (не только у испанских традиционалистов, но и у Мигеля де Унамуно) — все эти концепции перекликаются с тем, что думали и писали немецкие авторы. В Германии эта идеология получила ряд наименований: «новый национализм», «революция справа», «прусский социализм» и т. д. Но самым распространенным стало название «консервативная революция» (чтобы всякий раз не ставить кавычки,

---

³ См. его статью в еженедельнике «Die Zeit» (18 июня 2003, No. 26), в которой международная политика Буша именуется «консервативной революцией» («угрожающей мировому историческому наследию!») — на том основании, что некоторые американские «неоконы» учились в Чикаго у Л. Штрауса, а тот некогда написал рецензию на работу К. Шмитта. Только Штраус был очевидным противником Шмитта и не был, как это утверждается в статье Винклера, противником либерализма.

в дальнейшем я буду писать просто КР). Так как речь пойдет именно об идеологии, из рассмотрения исключаются, с одной стороны, политические партии, группы, клубы, издания, в рамках которых эти идеи получили свое развитие; с другой стороны, мною затрагиваются, но не рассматриваются детально философские и социологические теории тех мыслителей, которых обычно записывают в число «консервативных революционеров».

КР породила некоторое число карликовых организаций, которые не оказывали серьезного влияния на политическую жизнь в Веймарской республике. Конечно, «Июньский клуб» и «Клуб господ» собирали на свои заседания представителей экономической и политической элиты, несколько канцлеров и многие министры последнего периода республики были с этими клубами связаны (Брюнинг был членом «Июньского клуба», фон Папен и фон Шлейхер также были связаны с КР — первый с «Клубом господ», второй — с журналом «Die Tat» и возникшими вокруг него довольно массовыми провинциальными клубами). Но элитарные кружки, журналы и газеты, небольшие полувойенные образования (Freikorps), несколько депутатов в Рейхстаге от разных партий, какое-то время действовавшая при «Июньском клубе» политическая школа — вот, пожалуй, и все организационные формы КР. На какое-то время «национал-большевикам» удалось привлечь на свою сторону часть социал-демократов в Саксонии, отколов их от СДПГ, но в целом партийное строительство явно не было сильной стороной КР. Более того, презиравшие массу интеллектуалы чаще всего и не ставили перед собой эту задачу — они желали влиять на элиты посредством слова, иной раз участвовали в «придворных» интригах, писали тексты для последних канцлеров республики. В Рейхстаге близкая КР по духу группа парламентариев возникла лишь однажды (отколовшиеся от DNP и DNVP консерваторы). Но это ничуть не умаляет влияния КР, только влияния именно идеологического. По существу, в области идей именно она была главным препятствием для распространения и либерализма, и марксизма. КР представляет собой идеологическое явление *par excellence*, а потому мы можем свести к минимуму анализ институтов и политической культуры этого «движения».

Силу КР составляло именно то, что к ней принадлежали выдающиеся немецкие мыслители — достаточно упомянуть М. Хайдеггера, К. Шмитта, О. Шпенглера, Х. Фрейера, М. Шелера, Э. Ротакера, В. Зомбарта, А. Гелена. К КР причисляют и выдающихся писателей и поэтов — С. Георге, Э. Юнгера. Собственно говоря, литераторы дали имя этому течению (вернее, оно было ими заимствовано из «Дневника писателя» Достоевского): Т. Манн ввел в обиход само название «консервативная революция» в предисловии к антологии произведений русских писателей (1921), а написанные им во время войны «Размышления аполитичного» вообще можно

считать первым опытом в духе КР. Популярность в Германии это словосочетание обрело после речи «Das Schriftum als geistiger Raum der Nation» (1927) Гуго фон Гоффманстала, в которой говорилось о духовных поисках молодого поколения, о стремлении к *Gemeinschaft*, которое ведет к пересмотру идей не только Просвещения, но даже Ренессанса и Реформации. Речь завершалась словами: «Процесс, о котором я говорю, есть не что иное, как консервативная революция — невиданного в европейской истории размаха. Ее целью является форма, новая немецкая действительность, в которой сможет соучаствовать вся нация». Эта речь была вовсе не политической — речь шла о духовном единстве немецкой нации — она лишь дала имя тому, что уже существовало под другими наименованиями: «Третий Рейх», «новый национализм», «революция справа».

Формированию идеологии КР поспособствовали видные немецкие мыслители и литераторы, но если вчитаться в длинный список имен представителей КР, приведенный А. Молером во втором томе его книги⁴, то становится понятным, какую идейную силу представляла собой КР: наряду с упомянутыми выше философами и писателями «первого ранга», мы обнаруживаем в числе представителей КР множество профессоров, журналистов, литераторов, имена которых сегодня совершенно забыты, но которых читали и почитали современники. Листать страницы романов фон Заломона, Шаувеккера или Гримма станет ныне только историк, но в 1920-е гг. они были не менее популярными авторами, чем Э. Юнгер.

К консервативной революции можно отнести воззрения и ряда историков, скажем статьи Э. Трельча 1920-х гг., труд Э. Канторовича о Фридрихе Гогенштауфене, произведения Л. Циглера, К. Брейзига. Ф. Мейнке к КР не принадлежал (формально он даже поддерживал республику), но он ей также близок — немецкий историцизм в немалой степени был свойствен КР. Философия истории О. Шпенглера, Э. Ротакера — это образцы понимания истории в духе КР. Наконец, тема «историчности» у М. Хайдеггера и его последователей может рассматриваться как выражение того же «духа».

Все эти концепции и произведения были созданы авторами, между которыми имелись немалые расхождения по множеству вопросов. Объединяет их принадлежность к одной идеологии, идентичность которой доньше вызывает споры историков. Идеологии вообще трудны для изучения. Пока они не получили реализации в виде массовых партий, пока эти партии не пришли к власти, мы имеем дело с утопическими проектами, с обещаниями «светлого будущего». Когда идеология получает воплоще-

⁴ Mohler A. Die Konservative Revolution in Deutschland 1918–1932. 3. Aufl. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1989.

ние в виде политической системы, когда от ее имени начинают править миллионами людей, она вынуждена адаптироваться к интересам самых различных групп — доктрина утрачивает свою «невинность» и любой противник имеет возможность сказать: «По делам их познаете их». Святость идеалов никогда не препятствовала такой их интерпретации, которая помогала захвату и удержанию власти.

Любое движение начинается с небольшой группы, возглавляемой харизматическим лидером, но по мере роста движения харизматиков сменяют жрецы (партийные бюрократы). В более или менее «чистом» виде идеология предстает в то время, когда уже совершился переход от идей совсем небольшого круга людей к первым партийным структурам (которые вслед за историками религии можно назвать сектами), но движение еще не стало массовым, не захватило сотни тысяч людей с самыми разнообразными интересами (не стало «церковью»). Сравнивая идеологии уже не с религиозными движениями, а с армией, наиболее интересным для исследователя является тот период, когда войско состоит из одних добровольцев-офицеров, которые пока действуют без солдат. На этот период падают ожесточенные споры, появляются новые и новые претенденты на место «вождя» (или лучшего истолкователя идей основоположника).

Особенностью КР является именно то, что она так и не стала массовым движением, хотя захватила десятки тысяч немцев, организованных в клубы, кружки, мелкие партии. Офицеров было много, солдат мало. В большинстве своем эти организации не имели четкой программы, устава, партийной дисциплины; не было и общепризнанных вождей. Отчасти это объясняется элитарным характером движения, которое и не ориентировалось на массы, но желало воздействовать на элиты. Поэтому для КР свойственны, с одной стороны, такие организационные формы, как закрытые клубы («Июньский клуб», «Herrenklub», «Casino Gesellschaft» и др.), а с другой стороны — множество журналов, газет, издательств. Несмотря на то, что большинство представителей КР были участниками войны, влияние этой идеологии на военизированные организации ветеранов было ограниченным, да и затрагивало небольшие союзы, тогда как крупные (Stalhelm, Jungdo) были связаны с крупными партиями (не говоря уж о партийных воинских организациях нацистов, коммунистов, социал-демократов). Принадлежность к «избранному меньшинству» и стремление влиять на элиты, пренебрежительное отношение к массам и массовым партиям — все это определяло и политическую слабость КР, и высокий уровень теоретических дискуссий. Принадлежность к этому течению целого ряда хороших писателей, известных философов и теологов, опытных публицистов способствовала широкому хождению идей КР (или идеоло-

гем, вроде «Третьего Рейха»). Но этими идеями на практике воспользовались совсем другие лица.

В случае КР вполне осмысленно можно говорить о «коллективной ментальности» бывших участников войны, принадлежавших к образованному среднему классу. К. Гинзбург справедливо обратил внимание на границы применимости термина «ментальность» в историографии: попытки выявить «бессознательные, глубинные, пассивные элементы картины мира» вне социального анализа нередко ведут к тому, что «за теориями коллективной ментальности вдруг открывается вполне традиционная история идей»⁵. Говорить о коммунистической или фашистской идеологии 1920—1930-х гг. без учета массовой психологии и социальных институтов того времени — значит упустить ряд принципиально важных характеристик движений, которые сделали правящими партиями при участии миллионов сподвижников, остающихся за пределами истории идей. В случае КР ситуация является иной, поскольку это движение имело прежде всего литературно-идеологический характер. Если дать предельно общую характеристику этой ментальности, то ее основными чертами оказываются *элитарность* и *бунтарство*. В приводимом А. Молером длинном списке персоналий (несколько тысяч) участников КР мы обнаруживаем несколько сотен писателей, поэтов, богословов, философов, тогда как публицистами можно назвать еще чуть ли не тысячу лиц, которые брались то за винтовку, то за перо. Типичным представителем КР был вообще не кабинетный ученый или партийный доктринер, но «человек действия», достаточно образованный для того, чтобы в промежутке между вооруженными схватками написать несколько статей, роман, философское эссе, а затем снова взяться за оружие. Среди сотен приводимых Молером биографий имеются просто поразительные по авантюризму и готовности братья за оружие. Это поколение тех гимназистов и студентов, которые добровольцами пошли в армию во время войны, затем во Freikorps сражались в Прибалтике и Польше, подавляли Баварскую советскую республику, участвовали в подпольных и даже террористических организациях. Небольшая часть их в дальнейшем примкнула к национал-социализму, некоторые стали коммунистами, но в большинстве своем они входили в мелкие организации и движения, враждебные как коммунизму, так и нацизму. Чаще всего эти молодые люди никак не были связаны с потерпевшими поражение прежними элитами времен кайзера⁶, они не были «контрреволюционерами», жаждущими реванша.

⁵ Гинзбург К. Сыр и черви. М.: РОССПЭН, 2000. С. 45–47.

⁶ Попытки свести КР к немецкому консерватизму XIX в., к «классовым интересам» то юнкерства, то буржуазии, всякий раз вступают в противоречие с мате-

Вопреки ностальгическим сочинениям сегодняшних «левых» по поводу Веймарской республики, последняя была объектом критики всех мыслящих немцев того времени, а у молодежи — будь она «левой» или «правой» — вызывала нескрываемое раздражение новая «демократическая элита», которая на деле состояла из второсортных представителей прежней, кайзеровской элиты. В своих воспоминаниях Г. Манн, который в то время был страстным республиканцем, социалистом и пацифистом, так характеризует умонастроения молодежи: «Хотя бы одно было ясно тогдашним студентам: бесцветная серость республики, посредственность тех, кто ее представлял. В подавляющем большинстве своем это были люди кайзеровского Рейха. Они просто состарились, обнищали, но сохранили и неприменный котелок, и туго затянутый под воротничком галстук; люди, лишенные всякого блеска, без идей, без надежды»⁷. КР была выражением именно этой ментальности бунта, причем не только политического. Бунтарское сознание младоконсерваторов неплохо уловил их противник Хаббермас, который, по существу, сводит это сознание к нищестанству, а потому готов сопоставлять их с такими французскими «левыми», как Батай, Фуко и Деррида. «Младоконсерваторы усвоили основной опыт эстетического модерна, связанный с открытием децентрированной субъективности, освобожденной от всех ограничений, налагаемых познанием и целесообразной деятельностью; от всех императивов труда и полезности — и вместе с этой субъективностью они выпадают из мира современности. В модернистской манере они обосновывают непримиримый антимодернизм. Они переносят спонтанные силы воображения, личных переживаний, аффективности в даль и в архаику и по-манихейски противопоставляют инструментальному разуму какой-либо принцип, доступный лишь с помощью суггестии — будь то воля к власти или суверенность, бытие или некая дионисийская сила поэтического. Во Франции эта линия ведет от Жоржа Батая через Фуко к Деррида»⁸.

«Потерянным поколением» эти молодые ветераны себя не считали. Фронтное братство стало образцом и для гражданской жизни. Говорить о том, что они были «непримиримыми антимодернистами» и врагами «инструментального разума», также не приходится — похвальное слово технике можно найти почти у всех идеологов КР. В области искусства их также не назовешь ретроградами, поскольку и немецкий экспрессионизм, и

риалом. Примером такого редукционизма могут служить работы Грайффенхагена, Гребинг и ряда других «левых» (неомарксистских) интерпретаторов КР.

⁷ Mann G. Erinnerungen und Gedanken. Eine Jugend in Deutschland. F. a. M.: Fischer, 1991. S. 380.

⁸ Хаббермас Ю. Политические работы. М.: Праксис, 2005. С. 29.

Neue Sachlichkeit тесно связаны с этой идеологией. То, что к таким священным коровам современности, как парламент, у них было негативное отношение (Humanitätsduselei, Schwaetzbude — таковы типичные выражения того времени) является поводом для проклятий многих сегодняшних интерпретаторов, забывающих о том, что «левые» в тогдашней Германии относились к этим почтенным институтам ничуть не лучше (а либералов было даже меньше, чем в нынешней России). Сегодня нам вообще не так уж легко представить себе демократию, в которой у каждой крупной политической партии имеется своя неплохо вооруженная армия, состоящая из ветеранов войны, т. е. людей, готовых решать споры военными методами. Формула «винтовка рождает власть» вряд ли верна на все времена, но она довольно точно характеризует Веймарскую республику (в особенности 1919–1923 гг.).

КР — удобный объект для рассмотрения идеологического отношения к прошлому. В сочинениях принадлежащих КР авторов мы сталкиваемся с постоянными переходами от прошлого к будущему и от будущего к прошлому. Недовольство настоящим переходит в ненависть — этот мир обречен, как обречен и живущий в нем человек. Апокалиптические чаяния чаще встречаются у социальных низов, чем у представителей среднего класса. Но в Веймарской Германии ситуация была совсем иной — страстное отрицание настоящего вело к поискам ориентиров в истории. Идеологическое прошлое в случае КР не менее фантастично, чем у большинства современных ей партий. Более того, представители КР заимствовали огромное число клишированных образов у других, приспособив их к своим задачам. Так, представителям КР свойствен распространенный среди монархистов мифологический образ Пруссии, но берут они из него далеко не все содержание — чтобы получился «пруссский социализм», нужно было отбросить множество «лишних» подробностей (что делать с пиетизмом не только Шлейермахера, но и молодого Бисмарка?). Реальная Пруссия отличалась от воображаемой как ее поклонниками, так и ее противниками. Одни хвалили воинскую традицию прусского юнкерства, другие писали о «реакционной военщине» (в том числе такие исторически образованные политики, как У. Черчилль), но в этот миф никак не вмещалось то, что вплоть до лета 1932 г. этой самой крупной землей Германии правили социал-демократы, причем фон Папену пришлось пойти на грубое нарушение закона, чтобы отстранить их от власти. В этих условиях понятен практический смысл идеологемы «пруссский социализм», равно как почтительные высказывания о Бебеле, обнаруживаемые у многих представителей КР. Естественно, любой историк, читая рассуждения о «социализме» прусского офицерского корпуса, мог заметить, что малоземельные дворяне Пруссии традиционно избирали военную карьеру не только из-за особого

esprit de corps (да еще «социалистического!»), но и по довольно банальным причинам, вроде бедных угодий на песчаных и болотистых землях. Только мнения историков не так уж важны для идеологов.

То же самое можно сказать по поводу ряда работ по рабочему вопросу. Иные из публицистов КР выпускали книги, которые в известной степени можно считать предвестиями социальной истории. Так, А. Винниг, в прошлом плотник, ставший крупным функционером СДПГ, но затем исключенный из рядов партии за участие в капповском путче, написал целый том об истории немецкого рабочего (и породил идеологему *Arbeitertum*, которой затем охотно пользовались нацисты). Но вся эта достаточно богатая историческим материалом концепция была создана лишь для того, чтобы подчеркнуть отличия немецких рабочих от английских и французских, чтобы разделиться с марксистским интернационализмом. Сотрудничество с Никишем сначала в Саксонии (создание соперничающей с социал-демократии социалистической партии), а затем и в журнале «*Widerstand*», краткое сотрудничество с нацистами, которые воспользовались сочинениями Виннига в своих целях, затем опала (резкая отповедь Геббельса и т. п.), участие в заговоре июля 1944 г., на старости лет высшая награда ФРГ (1954) — таков путь бывшего плотника-марксиста. Однако миф об особом историческом призвании немецкого рабочего получил хождение во многом благодаря историческим изысканиям далекого от «ремесла историка» политика и публициста. Когда Э. Юнгер станет писать о Рабочем, как особом историческом типе, он будет связывать с этой фигурой («третьей имперской фигурой» уже в лексике Э. Никиша) не материальный интерес, а способность служения. История этого нового типа человека прописана у Юнгера довольно слабо — он появляется в итоге некой спонтанной трансформации, явления нового гештальта (формы) — революционеру не нужны штудии социологов или историков для различения нового человеческого типа.

Впрочем, история самой КР сегодня пишется языком идеологии. Большинство диссертаций, книг и статей о КР в Германии написаны леволиберальными историками, которые идеализируют Веймарскую республику, видят в участниках КР то «пособников нацистов», то предшественников своих нынешних врагов — разного сорта «новых правых». Последние же готовы заимствовать у КР только национализм, а потому сочувственные статьи в журнале «Критикон»⁹ (с 2003 г. «Нойе Нахрихт»), ничуть не менее ангажированы, чем творения левых оппонентов. По хорошо извест-

⁹ Экономическая программа «новых правых» в ФРГ может быть охарактеризована как ультралиберализм, а потому при всех похвалах КР просто замалчивается то, что консерваторы в 1930 г. стали проповедовать социализм.

ным причинам первые десятилетия XX в. еще не стали в ФРГ историей, а потому о прошлом спорят на языке политики, четко различая «друзей» и «врагов».

Начало этим спорам положила упоминавшаяся выше книга Армина Молера, который первым употребил словосочетание КР в духе социологии знания или политической науки для обозначения не идей и лозунгов 1920–1930-х гг., но как характеристику большой социальной группы — правых интеллектуалов, членов множества небольших политических партий, клубов, редакций нескольких десятков газет и журналов. Конечно, мы точно так же употребляем слова «либерализм», «социал-демократия» или «анархизм» для характеристики не только идей и программ, но и тех партий и групп, которые являются носителями этих идей. Но в случае КР ситуация является куда более сложной, поскольку общим для всех были только неприятие Версальского договора и Веймарской республики, критика экономического и политического либерализма и парламентаризма. Но кто только не критиковал Веймарскую республику — не только коммунисты или нацисты были ее врагами, но и *Deutschnationale Volkspartei* Гугенберга, правое крыло в католической партии *Zentrum*, да и социал-демократов с их тогдашней ортодоксально-марксистской программой трудно представлять убежденными сторонниками либерализма и парламентаризма. Веймарскую республику не раз называли «республикой без республиканцев», президент которой, Гинденбург, был убежденным монархистом. Столь же мало говорит о КР типичное для нынешней леволиберальной историографии обвинение в «национализме»¹⁰. Сегодняшние либералы забывают о том, что немецкий национал-либерализм конца XIX — начала XX в. (с такими союзами как *Alldeutsche Verband*, *Flottverein* или *Kolonialgesellschaft*) можно в куда большей степени считать источником нацизма, чем немецкий консерватизм или социализм¹¹. Националисты были во всех партиях Веймарской республики, включая и марксистов с их интернационализмом (*Hofgeismarkkreis* у «молодых социалистов», «курс Шерингера» у коммунистов), а идеология КР отличалась и от нацистской, и от *DNVP* Гугенберга именно тем, что «нация» отвергалась во имя «империи».

¹⁰ Недостатком весьма содержательной книги С. Брейера «Анатомия консервативной революции» (*Breuer S. Anatomie der konservativen Revolution. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1993*) является именно то, что он сводит идеологию КР к «новому национализму».

¹¹ О связях идеологии НСДАП с либеральным социал-дарвинизмом (будь он немецким или британским) написано — по понятным причинам — сравнительно немного. Значительное число свидетельств собрано в работе американского историка: *Eley G. Wilhelminismus, Nationalismus, Faschismus. Zur historischen Kontinuität in Deutschland. Münster: Westf. Dampfboot Vlg., 1991*.

Молер отнес к КР пять групп: Voelkisch, Buendnisch, Jungkonservative, Revolutionaere Nationalisten, Landvolkbewegung (впоследствии он исключил последнее — движение крестьян северной Германии). Эта классификация в дальнейшем не раз воспроизводилась, уточнялась, подвергалась критике. Сам Молер был вынужден релятивизировать даже свой центральный тезис относительно основополагающей философской идеи, которую он поначалу считал общей для всей КР — «вечное возвращение» Ницше. На мой взгляд, его классификация является совершенно искусственной, поскольку практически все идеологи КР в молодости были Buendnisch (предвоенное Jugendbewegung), все они в той или иной степени были Voelkisch и провозглашали Nation in Gemeinschaft (но не имели ни малейшего отношения к ариософии и прочим расовым фантазиям), все считали себя консерваторами и революционерами в одно и то же время. Заслугой Молера является то, что он собрал огромный фактический материал и первым обратил внимание на социальную и психологическую общность военного поколения.

Среди представителей КР были как «левые люди справа», так и «правые люди слева». Их объединяло не только неприятие либерализма и парламентаризма, но и прежнего консерватизма. У них не было ни малейшей ностальгии по монархии и кайзеру, сословные предрассудки им чужды — сословия были отменены фронтовым братством. Они охотно цитировали Гераклита: «Война — отец всего» и говорили о борьбе, решимости, подлинности — в трудах Юнгера, Хайдеггера и Шмитта эти убеждения обретали черты философских и политических доктрин. Они были убеждены в том, что прежние немецкие элиты отжили свое и должны освободить место новой. От прежнего консерватизма их отличало не только желание избавиться от сословий и классов, которые препятствуют Gemeinschaft, но и отвержение обычного для консерватизма обоснования земной иерархии ссылками на небесную, на извечно установленный божественный порядок. Вслед за Ницше они отвергали «удвоение мира» и трансцендентный моральный порядок. Идеи Ницше обрели черты активистской идеологии, основой которой является презрение к мирному буржуа с его прозаическим стилем существования, банальными эстетическими вкусами и мещанской моралью. Не только старые консерваторы и либералы, но и вожди социал-демократии оказались тупыми мещанами, на них лежит ответственность за проигранную войну и позорный Версальский договор, они являются «агентами Антанты» в Германии. «Немецкую революцию осуществили либеральные, а не революционные люди, в этом ее проклятие», — писал А. Меллер ван ден Брук в «Третьем Рейхе». Сразу после подписания Версальского договора он писал даже так: «Когда 9 ноября по стране был спущен черно-бело-красный флаг, то 10 ноября на его месте

должен был развеяться красный флаг, чтобы вести на бой с капитализмом пролетариев и довести борьбу до конца». Шпенглер в «Пруссачестве и социализме» первым дал общую для КР оценку ноября 1918 г. как национального позора: революции ведут к подъему жизненной энергии, к готовности вести борьбу не на жизнь, а на смерть, тогда как в Германии победили трусы, болтуны и предатели. В момент отречения кайзера будущий первый президент Веймарской республики, марксист Эберт, сказал: «Я ненавижу революцию как грех». Вожди социал-демократии оказались лучшими слугами либерализма, который был так изображен Меллером: «Либерализм хоронил культуры. Он уничтожал религии. Он разрушал отечества. Он был саморазложением человечества»¹². Немецкие консерваторы приходят к мысли о неизбежности социализма, поскольку либеральный капитализм означал для них капитуляцию перед Антантой, тем мировым порядком, в котором Германии было уготовано место колонии.

Разумеется, за такого рода идеями стоят вполне реальные социальные противоречия того времени, например, пролетаризация значительной части среднего класса и безработица среди молодых выпускников университетов, понижение социального статуса и зарплат у тех «белых воротничков», которые все же находили рабочие места. Революционные идеи часто приходят в головы молодых интеллектуалов, которые лишены перспективы роста и карьеры. Инфляция начала 1920-х гг. разорила бюргерство, мировой экономический кризис, начавшийся в октябре 1929 г., ударил сильнее всего по Германии (встала работавшая на экспорт промышленность) — голод и нищета стали уделом миллионов безработных. Именно в это время происходит окончательное оформление основных политических проектов КР. Любая классификация страдает односторонностью, но если брать исключительно политическую ориентацию множества авторов, кружков, печатных изданий и т. п. объединений, то хорошо заметны три различных течения. Каждое из них на свой манер сочетает цели внутренней и внешней политики, в каждом из них присутствует идея «немецкого социализма» («прусского», «национального», «народного», «солдатского» и т. п.), равно как и интерпретация прошлого, своя философия истории. Каждый из трех проектов был связан с конкретными политическими группами и политиками последних лет Веймарской республики. При общем стремлении ликвидировать республику, разогнать парламент («говорильню» — Schwaetzbude) и уничтожить все партии, отменить Версальский договор, эти проекты различались по социально-экономическим целям внутри Германии и по геополитическим целям вовне. Все они желали «Третьего Рейха», но представления о нем были весьма различными и, разумеется, все

¹² Moeller van den Bruck A. Das Dritte Reich. Berlin: Ring Verlag, 1923. S. 119.

эти проекты отличались от национал-социализма и были ему более или менее враждебны, хотя бы потому, что расовая биология ими отвергалась как примитивный натурализм.

Первый из этих проектов иногда характеризуется термином позднего Средневековья «гибеллины», поскольку центральной идеей этого проекта является империя (Рейх). Германия изначально была не нацией, но империей, а потому даже сам термин «нация» подвергается критике — это порождение либеральной эпохи. КР здесь мыслится как восстановление вечной иерархии ценностей, а тем самым и истинной земной иерархии. Главным идеологом этого направления можно считать Э.Ю. Юнга, давшего такое определение КР: «Консервативной революцией мы называем восстановление всех тех изначальных законов и ценностей, без которых человек утрачивает связь с природой и с Богом и не может установить никакой истинный порядок»¹³. Всякое общество иерархично, иерархии нет лишь в куче мусора; старые немецкие элиты привели страну к хаосу, новая аристократия должна восстановить порядок. Либерализм здесь предстает как орудие разложения и разрушения. Консерваторов и революционеров объединяет враждебность не только к либеральным ценностям, но и к самому типу либерального человека — торгашу и парламентскому болтуну, ритору-буржуа, представителю «внутренней Англии» в Германии. «Консерватизм есть исторически необходимый революционный принцип, посредством которого будет отменено либеральное столетие»¹⁴, — писал Юнг в 1934 г. Консерватором является вовсе не тот, кто хватается за настоящее или мечтает вернуться в прошлое, но тот, кто свержает «неполноценных», уничтожает разложившееся общество ради вечных ценностей.

По мнению А. Молера, практически все важнейшие представители КР были ницшеанцами, а потому переняли у Ницше и учение о «вечном возвращении». Этот тезис настолько явно расходится с реальностью, что в дальнейшем сам Молер был вынужден его «либерализировать», уточнив, что некоторые мыслители (скажем, Меллер ван ден Брук) прямо подвергали критике эту доктрину. В известном смысле принятие ее характерно только для «гибеллинов» — именно среди младоконсерваторов взгляд на историю близок ницшеанскому, даже если отсутствуют прямые ссылки и цитаты. Разумеется, философия истории Шпенглера совсем не сводится к

¹³ Jung E.J. Deutschland und die konservative Revolution // Deutsche über Deutschland. Die Stimme des unbekanntenen Politikers / Hrsg. E.J. Jung. München: Langen-Müller, 1932. S. 369–383 (S. 380).

¹⁴ Jung E.J. Sinndeutung der deutschen Revolution. Oldenburg: Gerhard Stalling, 1933. S. 11.

учению Ницше, а Э.Ю. Юнг, будучи христианским персоналистом, чаще ссылается на Бердяева и Достоевского, чем на соотечественника. С Ницше их роднит прежде всего скептицизм, отрицание законов истории, но ничуть не реже они ссылаются на Буркхардта. Для всего консерватизма характерно неприятие веры в прогресс, но Ницше первым связал критику либеральных и социалистических доктрин с откровенной неприязнью к «массе», к образованной буржуазной публике. В своей ранней работе «О пользе и вреде истории для жизни» он писал: «Поистине парализует и удручает вера в то, что ты последыш времен, но ужасной и разрушительной представляется эта вера, когда в один прекрасный день она путем дерзкого поворота мыслей начинает обоготворять этого последыша как истинную цель и смысл всего предшествующего развития, а в ученом убожестве его видит завершение всемирной истории»¹⁵. Писать историю — значит писать о немногих выдающихся личностях, воздерживаться от всяких предположений насчет мирового процесса или даже истории человечества: «...цель человечества не может лежать в конце его, а только в его совершеннейших экземплярах». К этому у Ницше добавляется история институтов, формирующих личности, способствующих волевым усилиям — орден иезуитов или прусский офицерский корпус имеют историю, тогда как прозябающая масса ее лишена.

Однако великие личности редки в истории, их деяния постепенно забываются, наступают времена декаданса, «господства неполноценных». Взгляд младоконсерваторов на прошлое (равно как и на будущее) можно охарактеризовать как «героический пессимизм». Небольшие элиты творят историю, но они всегда обречены на поражение, поскольку косная масса не способна сохранить и передать достигнутое великими предшественниками. Писать о них станут через века новые вожди, которым необходим пример для подражания. В статье «Человек и история» (1926) М. Шелер так описывает этот взгляд на прошлое: «Человечество, народы, история, большие коллективы — все это лишь обходные пути к покоящейся в самой себе самоценности и к самобытному великолепию такого рода личности... Чтобы внести в мировой процесс направленность, смысл, ценность, человек может опереться в своем мышлении, в своей воле только на ничто. На ничто — не на Божество, которое сообщает ему, что он должен, а что нет, не на те жалкие идейные лохмотья старых метафизиков Бога, какими являются “развитие”, “тенденция к прогрессу” мира или истории, не на коллективную волю какого бы то ни было типа»¹⁶. Шелер отличает эту ис-

¹⁵ Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Ницше Ф. Воля к власти. М.: ЭКСМО, 2003. С. 270.

¹⁶ Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. С. 95.

ториографию от прежней, поскольку коллективные силы истории здесь не отвергаются (как это происходило, по мнению Шелера, в трудах Карлейля или Трейчке). Сила и воля великих в том, что они способны вести массы, задавать им образцы поведения и мышления. «Мужи делают историю», превращая массы в свое орудие.

Именно таковы исторические работы членов кружка Стефана Георге — написанные Ф. Гундольфом биографии Шекспира, Гете, Цезаря, монументальная работа Э. Канторовича о Фридрихе II Гогенштауфене¹⁷. Стихотворение самого Георге, предсказывающее приход нового вождя, завершается словами: «...und gruendet neues Reich». Интерес младоконсерваторов вызывают именно фигуры императоров и полководцев. Даже те из них, кто прямо не восславлял языческий культ героя-победителя, склонялись к крайнему персонализму в исторических трудах (скажем, двухтомная работа Л. Циглера о Священной римской империи германской нации, которая оказала значительное влияние на упоминавшегося выше Э.Ю. Юнга). Хотя иные из «гибеллинов» (тот же Юнг) были христианами, взгляд на историю здесь куда больше напоминает античную трагедию. «Трагическая интерпретация истории получает свое классическое выражение в греческом мышлении, но она никоим образом им не ограничивается. История, с этой точки зрения, отнюдь не стремится к исторической или надисторической цели, но движется по кругу к своему началу. В своем течении она обеспечивает генезис, акмэ и упадок каждому существу — каждому в свое время и в определенных границах; не существует ничего вне или сверх этого отрезка времени, который сам по себе детерминирован роком... Однако трагедия предполагает величие, и с этой точки зрения особо подчеркивается величие в терминах центрированности, созидательности и совершенствования. Превозносится слава жизни в природе, в народах и в личностях, и именно поэтому достойны сожаления краткость, ничтожность и трагическое качество жизни. Однако тут нет ни надежды, ни ожидания имманентного или трансцендентного осуществления истории. Все это неисторично, и трагический круг возникновения и ухода является последним словом»¹⁸. Выбор, мужество, решимость — вот те существенные, которые характеризуют этот неисторичный взгляд «гибеллинов» на историю. Слова «решение», «решительность», «решимость» вообще характерны для КР¹⁹, но

¹⁷ Любопытно то, что эту работу высоко ценили вожди НСДАП — ее читали Гитлер и Гиммлер, а Геринг даже подарил ее Муссолини.

¹⁸ Тиллих П. Систематическая теология. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. Т. 3. С. 310–311.

¹⁹ См.: Krockow Ch.G., von. Die Entscheidung. Eine Untersuchung uber Ernst Junger, Carl Schmitt, Martin Heidegger. Stuttgart: Ferdinand Enke Vlg., 1958.

в творчестве некоторых из «гибеллинов» они становятся основанием политической и даже правовой доктрины (у К. Шмитта).

Взгляд «гибеллинов» на историю определяется прежде всего Ницше и Буркхардтом, но и весь Kulturpessimismus предвоенной эпохи, критика декаданса обусловили многие его особенности. Одно лишь перечисление всех этих влияний потребовало бы отдельной статьи. Отметим лишь наиболее близкие и часто цитируемые работы: «Ресентимент в структуре моралей» Шелера, «Общность и общество» Тённиса, «Философия денег» Зиммеля задают общесоциологическую рамку не только для исторических сочинений «гибеллинов», но и для их политической публицистики. Из трудов историков наибольшее воздействие оказала работа Мейнеке о национальном интересе.

Из собственно историософских сочинений «гибеллинов» наиболее известным является «Закат Европы» Шпенглера. Философию истории Шпенглера чаще всего рассматривают лишь с одной стороны — в нем видят одного из теоретиков (наряду с Данилевским и Тойнби) плюрализма цивилизаций, которая донныне пользуется известной популярностью (вспомним хотя бы «Столкновение цивилизаций» Хантингтона). Однако, помимо критики «западноцентризма» и фантастической морфологии культур, философия истории Шпенглера включает в себя обоснование радикального скептицизма, критику детерминизма, т. е. общие для всего немецкого историцизма тезисы. Цезаризм Шпенглера отличался от воззрений других «гибеллинов» лишь тем, что он вообще не ссылался на средневековый христианский Рейх. Консерваторы всегда повторяли за Григорием Богословом: «Да не пресечется правление (авторитет), дабы многовластие не сменилось безвластием». Но уже немецкий консерватор XIX в. Ф.Ю. Шталь придал этому речению более современную форму: *Autorität statt Majorität*.

Работа «Пруссачество и социализм» Шпенглера положила начало не соединению идей консерватизма и социализма вообще, но именно той его трактовке, которая господствовала среди так называемых «младоконсерваторов». Пруссачество — вот немецкий социализм, где сам король говорил о себе как о первом слуге или чиновнике государства. Каждый индивид здесь и работник, и солдат, занимающий свое место в иерархии. Промышленник или банкир является менеджером, т. е. офицером или генералом в нации-армии. Ответом на «восстание масс» является новая аристократия, ценности которой сверху вниз спускаются в массы. Хорошо известен взгляд Шпенглера на русский большевизм, который, по его мнению, вообще не имеет ничего общего с марксизмом, но представляет собой народный бунт против насильственно навязанной верхами западной городской цивилизации — об этом подробно говорится во втором томе «Заката

Европы», а политические следствия выведены в докладе, произнесенном 14 февраля 1922 г. (*Das doppelantlitz Russlands und die deutschen Ostprobleme*). Шпенглер в молодости начинал учить русский язык, придавал огромное значение русской литературе — еще в письме 1916 г. он писал о том, что с Достоевского начинается новая культура, культура следующего тысячелетия (с которой «царизм и великая держава Россия не имеют ничего общего») и сравнивал Достоевского с Данте и с Вольфрамом фон Эшенбахом. К «рабочему вопросу» на Западе происходящее в России не имеет никакого отношения, поскольку Россия представляет собой едва рождающуюся культуру, тогда как Запад вступил в эпоху цивилизации. По существу, социализм для Шпенглера равнозначен цезаризму, истинными социалистами являются элиты, способные дисциплинированно служить высшей цели. Социализм такого рода не предполагает какого-либо особого экономического принципа: «Социализм, — писал Шпенглер в 1932 г. — предполагает частную собственность и присущую древним германцам радость от власти и добычи». В отличие от некоторых других «младоконсерваторов», которые все же пытались представить сословно-корпоративное государство как «немецкий социализм» (ссылаясь то на Фихте и Гегеля, то на О. Шпанна), Шпенглер высмеивал любой «коллективизм» как потребность человека черни раствориться в массе таких же слабых и недоразвитых. В «Годах решения» (1933) он писал, что его работа «Пруссачество и социализм» была неверно понята многими представителями «национального движения» — единственный социализм, о котором он говорил, сводится к воле и характеру, к прусской дисциплине.

Хотя *Jungkonservative* много писали об «органической демократии» и «немецком социализме», отличали себя от «реакционеров», желавших возврата к монархии, демократия здесь на деле сводится к сословному представительству, а социализм лишен всякого экономического содержания. Идеалом является авторитарное государство, все партии распускаются. Сохраняются прежние отношения собственности, но капиталистическая экономика регулируется и направляется государством. Итальянский фашизм подвергается критике за то, что идея корпоративного государства не была здесь реализована, равно как и за демагогическую мобилизацию масс. Власть прежних элит не должна ставиться под угрозу партийным аппаратом фашистской партии. «*Heimklub*» Генриха фон Глейхена на конец 1920-х — начало 1930-х гг. был клубом промышленной, военной и дипломатической элиты, поддерживавшей планы Гинденбурга и его окружения — постепенно ликвидировать Веймарскую республику, сменив ее то ли на президентский авторитарный режим, то ли на монархию. Собственно говоря, не имевшие за собой парламентского большинства кабинеты Брунинга (он был членом «Июньского клуба» в начале 1920-х гг.)

и фон Папена (члена «Клуба господ») осуществляли эту программу. Основные документы, вышедшие за подписью фон Папена, писались в 1932 г. ведущим идеологом «Клуба господ» В. Шотте, в 1933 г. его секретарем стал Э.Ю. Юнг. Геополитические планы после восстановления «закона и порядка» заключались в отмене Версальского договора, ремилитаризации, усилении роли Германии в Европе. При всей вражде к Антанте это не исключало будущего союза с Францией (сторонником его был фон Папен) в совместном военном походе против Советской России. Национал-социалисты после выборов 1930 г. стали опасным конкурентом, и в этих кругах не раз дебатировался вопрос об одновременном запрете нацистской и коммунистической партии. Но в нацистах видели и потенциальных союзников в борьбе с «системой» (как именовалась Веймарская республика), их пытались «приручить». Хорошо известно, к чему это привело в январе 1933 г.: мечтавшие о восстановлении своей власти старые элиты оказались сметенными за пару месяцев и в большинстве своем стали служить новому порядку. Пытавшиеся противостоять были уничтожены, как Э.Ю. Юнг. Безусловно, немецкое сопротивление нацизму, ряд заговоров, вплоть до покушения на Гитлера в июле 1944 г., были героическими деяниями представителей этих элит, прежде всего прусского офицерства²⁰. Но на них лежит и огромная ответственность за приход Гитлера к власти, а идея христианского Запада как империи (при доминирующей роли Германии) приобрела черты «нового порядка» и невиданного в истории варварства «расы господ». Пересмотр прежних позиций немецкими консерваторами начался слишком поздно. Только в эмиграции Герман Раушнинг мог написать в «Революции нигилизма» (1938): «Консерватизм как старой, так и новой чеканки стал жертвой ошибки, отождествив собственные политические принципы с лозунгами крайнего шовинизма. Консерватизм, конечно, национален, но не шовинистичен. Шовинизм есть революционная по своему происхождению форма якобинства. Консерватизм и монархизм видят свою задачу в установлении и сохранении долговременного порядка, тогда как национализм в узком смысле слова есть динамит, подрывающий всякий порядок. В нашем нынешнем западноевропейском положении консерватизм возможен лишь как федерализм, но никак не в смысле империи

²⁰ Собственно говоря, в немецком Сопротивлении вообще не участвовали либералы, почти не было социал-демократов (те, что были, принадлежали к близкому КР «национальному крылу СДПГ»). В Сопротивлении участвовали либо коммунисты, либо консерваторы (как традиционной окраски, так и близкие КР). См.: *Mommsen H. La national-socialisme et la société allemande. Dix essais d'histoire sociale et politique.* Paris: Ed. de la MSH, 1997.

или гегемонии». Но к этим идеям немецкие элиты придут лишь в итоге сокрушительного поражения в развязанной ими войне.

Второй проект КР — по аналогии с первым — также часто называли, употребляя давнее слово «гвельфы». Хотя в прошлом оно означало партию, поддерживавшую папу в средневековых итальянских городах, уместно оно хотя бы потому, что представители этого течения считали, что империя равнозначна федерации или конфедерации народов Центральной и Восточной Европы. Основные идеи «гвельфов» были сформулированы еще в начале 1920-х гг. в «Третьем Рейхе»²¹ и «Праве молодых народов» Меллером ван ден Бруком. Он был не только сторонником *Ostorientierung*, но и сторонником «немецкого социализма», образцом которого и для него служила Пруссия. У каждого народа, — писал Меллер в 1920 г., — свой собственный социализм. Большевизм есть русский социализм и столь же русским является то, что направляющая это движение воля находится в голове татарского деспота, засевшего в Кремле белых царей. Его стражу составляют азиаты, палачами у него служат китайцы. Из тех же самых миллионов, которые два года назад оставили войну, ибо хотели мира и только мира, образовалось новое войско. Из всей промышленности страны, которая встала вместе с революцией, работают лишь те предприятия, которые производят оружие. Русский человек терпеливо сносит тяжкую власть милитаризма новой автократии. Прежнюю полицейскую автократию царизма он воспринимал как петербургскую и западную, т. е. чуждую и враждебную народу. Но автократия социализма была избрана им самим и он ей подчиняется, он готов сражаться и умирать под красным знаменем. Вторгаясь в Азию и угрожая Индии, большевизм вступает в конфликт с Англией, воюя с Польшей, он борется с Францией. «Он нацелен на наших врагов. Это связывает русский социализм с немецким. Не должны ли они совместно вести эту борьбу?»²². Но немецкий социализм может вступить

²¹ Эта книга вышла в 1923 г. и поспособствовала распространению словосочетания «Третий Рейх». Он не был его изобретателем — еще в 1917 г. Э. Крик использовал выражение «Третий Рейх» (*Kriek E. Die deutsche Staatsidee. Jena: E. Diederichs, 1917*), опираясь на Фихте, писавшего о «моральном царстве Бога на земле» (годом ранее вышла книга немецкого дипломата фон Мутиуса, в заглавии которой также употреблялось это словосочетание). Вопреки общераспространенному мнению, нацисты часто употребляли это выражение в своей пропаганде только до прихода к власти, когда они стремились привлечь на свою сторону верующих, монархистов, консерваторов. После прихода к власти эта идиома постепенно выходит из употребления, а летом 1939 г. из рейхсканцелярии последовал приказ о запрете на употребление в печати данного словосочетания. Официальным термином было *Grossdeutsches Reich*, в изданиях *SS* нередко писали *Grossgermanisches Reich*.

²² *Moeller van den Bruck A. Sozialismus und Aussenpolitik / Hrsg. von H. Schwarz. Breslau: Vlg. Wilh. Gottl. Korn, 1933. S. 82.*

в союз с русским только в том случае, если большевики признают немецкий социализм в его особенности, в его собственном праве. Большевизм мог возникнуть в стране с тонким правящим слоем, но он невозможен там, где вся нация вовлечена в организованный социальный порядок, где нет неграмотных, где народ привык к цивилизованной жизни, а пролетариат управляет сложными станками. Большевизм невозможен в Германии, но в ней возможен социализм. Большевизм возможен только в стране катастроф и разрывов, он динамичен. Социализм по-немецки — статичен, организован. Насажение монгольского ига и террора в Германии вызывает законное сопротивление. Различие двух социализмов в конечном счете упирается в различие русского и немецкого человека. Если признать это (и не навязывать непригодное другим), то возможен союз и совместная борьба с Западом.

Вывод Меллера таков: для нас возможна только восточная ориентация, а тот, кто ныне продолжает говорить об ориентации на Запад, ничего не понял в завершившейся войне. Войну с Западом немцы проиграли, тем самым социализм проиграл войну либерализму. «Молодые народы проиграли эту войну старым. Это осознала Россия. Поэтому она продолжает борьбу, ту борьбу, в которой рухнула Германия»²³. Запад все равно будет вести войну с Россией, а от немцев, как от вассалов, будут требовать принять в ней участие — вот весь смысл ориентации на Запад.

Социализм неизбежен во всех странах, но он повсюду будет иметь свои особенности, свои жизненные формы. «В России он приобрел автократические формы. В Германии он примет корпоративную форму». Большевизм Германии не нужен, даже если он обойдется без террора. Немецкий социализм вообще не имеет ничего общего с классовой борьбой, он не обещает райа земного для пролетариев. Сегодня угнетаются и эксплуатируются не классы, а нации, и для «молодых наций» невозможна иная политика, кроме той, что кладет конец угнетению.

Возглавляемый Меллером «*Juniklub*» в начале 1920-х гг. объединял людей самой различной политической ориентации (иные из них, как фон Глейхен, после самоубийства Меллера в 1925 г. далеко отошли от его идей). К концу 1920-х основным выразителем этой идеологии был необычайно популярный и влиятельный журнал «*Die Tat*», возглавляемый Хансом Церером, который привлек к работе ряд талантливых публицистов, вроде экономиста Ф. Фрида или специалиста по Восточной Европе Г. Вирзинга. Существовали и другие группы и журналы, вроде журнала «*Nahen Osten*» последователя и издателя Меллера — Х. Шварца. Основные идеи этого направления нашли свое выражение в трудах еще целого ряда по-

²³ *Moeller van den Bruck A. Sozialismus und Aussenpolitik. S. 100.*

пулярных в то время авторов, например, упомянутого выше А. Виннига, в прошлом занимавшего видный пост в социал-демократической партии, но исключенного из нее за участие в Капповском путче, или В. Зомбарта с его экономическими и социологическими работами 1920–1930-х гг. (важнейшая из этих работ, «Немецкий социализм», вышла в 1934 г.). Стоит отметить и то, что сходные идеи получили распространение и среди части социал-демократов («молодых социалистов», журнал «*Neue Blätter fuer den Sozialismus*») и представителей «левого» крыла в НСДАП (братья Штрассеры).

Представители этого направления в отличие от «гибеллинов» употребляли слова «социализм» и «революция» всерьез. Не будь словосочетание «национал-социализм» прочно связано с партией Гитлера, их вполне можно было бы характеризовать именно как «национальных социалистов». Еще в 1921 г. «Июньский клуб» вышел из щедро финансируемой немецким капиталом «Антибольшевистской лиги», поскольку идею «республики Советов» Меллер и его последователи считали вполне приемлемой. Революцию 1918 г. они критикуют именно потому, что она не была достаточно радикальной: вожди социал-демократии оказались мешанами и партийными карьеристами, желающими лишь места депутата в парламенте. Марксизм отвергается и потому, что он интернационален, а не национален, и потому, что он является зеркальным отображением либеральной доктрины — в обоих случаях доминируют экономический материализм и детерминизм. Марксистская доктрина есть порождение специфических условий Англии середины XIX в., она совершенно не учитывает роли государства в экономике и была опровергнута эпохой империализма и мировой войной. Основанием доктрин свободной торговли, мирового рынка было господство Англии в XIX в., а после войны — Англии и США. Германии в этой системе уделено место колонии. Именно поэтому примером для Германии должна служить Советская Россия, которая путем радикальной революции избавилась от прежней капиталистической элиты, выступавшей за включение в мировой рынок, и разорвала цепи, выйдя из системы колониального угнетения. Германия должна идти тем же путем, более того, она должна способствовать антиколониальным революциям других народов. Но для этого необходимо свергнуть власть тех, кого марксисты называли «компрадорской буржуазией», т. е. приказчиков и полицейских мирового капитализма. КР мыслится здесь как соединение социальной и национально-освободительной революции.

В условиях начавшегося в 1929 г. экономического кризиса публицисты журнала «*Die Tat*» идут еще дальше. Церер и Фрид убеждены в том, что век капитализма завершается. Собственно говоря, они развивают идеи Зомбарта о «позднем капитализме» (именно он, а не теоретики Франкфуртской

школы, ввел этот термин). Фаза стагнации перешла в разрушивший мировой рынок кризис, принципы либерализма и свободной торговли доказали свою полную несостоятельность. Страны «священного союза капитализма», Англия и Франция, еще выживают за счет своих колоний, а США за счет Латинской Америки (доктрина Монро), но Германия колониями не обладает, а потому она способна защищать свой суверенитет только в борьбе против международной капиталистической системы. Это означает выход из системы, автаркию, а это требует реаграризации Германии, чтобы снабжать себя основными продуктами питания. Выводы отсюда делаются радикальные. Церер и Фрид требуют введения государственной монополии на внешнюю торговлю, национализации банков, угольной и сталелитейной промышленности, морского и речного транспорта. Налоги на наследство должны существенно возрасти, требуются законы, регулирующие операции на бирже. Реаграризация предполагает национализацию поместий юнкеров, которые затем должны преобразовываться в кооперативы мелких собственников — крестьян. Значительная часть социал-демократической программы, которую не решились в 1918 г. реализовать трусливые вожди социал-демократии, должна быть осуществлена движением, которое объединяет крайне левых и крайне правых и ориентируется на мелкую буржуазию, «белых воротничков», крестьян, чиновников — все они пострадали от экономического кризиса ничуть не меньше рабочих и быстро революционизируются.

Во внешней политике этот проект предполагает конфедерацию стран Центральной и Восточной Европы — в противостоянии с Западом. *Mitteeuropä*, *Zwischeneuropä* — вот главное направление немецкой политики. Эта конфедерация может оказаться в союзнических отношениях с Советской Россией, и тогда единое экономическое пространство будет от Рейна до Владивостока. *Ostorientierung* не означает здесь *Drang nach Osten*, каких бы то ни было захватов, но мирное и взаимовыгодное сотрудничество со странами, которые ничуть не меньше Германии стали полуколониями Франции и Англии. Начиная с Меллера ван ден Брука, «гвельфы» отличались изрядной русофилией, а Достоевский у них вообще является одним из наиболее цитируемых авторов. В то же самое время они подчеркивают отличия немецкого социализма от русского, что связано с иной культурной традицией. Германия является истинным центром, серединой между западной рациональностью и восточным мистицизмом и квиетизмом. Пруссия, исторически возникшая из смешения немцев со славянами и литовцами, представляется своего рода мостом. Изначально националистический проект становится проектом конфедерации, что позволяет решить проблему национальных меньшинств (прежде всего — самих немцев в Судетах и Верхней Силезии).

В способах писания истории «гвельфы» в наибольшей степени из всех представителей КР являются наследниками Гердера, романтиков и немецкой историографии XIX в. (Ранке, Дройзен, Дильтей). Это хорошо видели их противники — в опубликованной в 1938 г. издательским домом SS монографии мы можем прочесть, что Меллер, Зомбарт и прочие не сумели понять всего величия расовой идеи, остались на позициях классического немецкого идеализма (а тем самым и пагубного гуманизма) в своем видении истории. Созданная «великим немецким ученым Менделем» генетика должна служить основанием любого правильного взгляда на прошлое. «Кровь», а не «дух», определяет ход истории. «Гвельфы» были «почвенниками», но никак не расистами, они были *voelkisch* не в том смысле, в каком ими были нацисты. Для последних *Volk* определялся унаследованными расовыми особенностями, для «гвельфов» каждый народ обладает свойственным только ему «взглядом на мир», мирозерцанием (*Weltanschauung*), коему соответствуют «ландшафт», язык, обычаи, институты и т. п. объективации. «Итальянские красоты» и «Прусский стиль» Меллера могут служить примером такого рода историографии.

Учениками Гердера они были в том числе и в своей антиимпериалистической пропаганде. Конечно, они не согласились бы со словами Гердера (и Гете): *Wo das Gelehrte beginnt, hoert das Politische auf*; возмущение Версальским договором привело молодых немецких националистов к пересмотру самых основ предвоенной германской политики — они сделали врагами колониального рабства прочих народов уже потому, что одним из таких эксплуатируемых народов стал немецкий. Отсюда их мысли о возможном союзе с Советской Россией, попытки установить связи с индийскими и арабскими националистами, вызвавшие негодование не только англичан, но и Гитлера, яростно критиковавшего подобные взгляды в *Mein Kampf*. В этом они принципиально отличались и от «гибеллинов» и, тем более, от национал-социалистов, которые просто придали расовое основание прежней империалистической политике Вильгельма.

Вслед за романтиками «гвельфы» пишут истории народов, подчеркивая уникальность каждого из них и права на свою особость. Любой народ и каждая эпоха неповторимы и своеобразны, одна не выводится из другой и не является ее целью. Известные слова Л. Ранке²⁴ раз за разом повторяются ими, равно как и формула Мейнеке и Дильтея (*Individuum est ineffabile* — первым это высказал Гете). Там, где на историю пытаются смотреть с точки зрения универсальных законов, норм или идей, там происходит насилие

²⁴ «Ich aber behaupte: Jede Epoche ist unmittelbar zu Gott, und ihr Wert beruht gar nicht in dem, was aus ihr hervorgeht, sondern in ihrer Existenz selbst, in ihrem unmittelbaren Selbst».

над историей и наивная абсолютизация собственных идей и норм. В истории живут и действуют «индивидуальные тотальности», а потому историк должен интуитивно постигать иное, смотреть «изнутри», «высвечивать» конкретную и неповторимую жизнь. На уровне философско-исторических абстракций этот взгляд наиболее четко выражен в работах Э. Ротакера и В. Зомбарта. Оба они были создателями одного из направлений философской антропологии («культурная антропология»), оба писали труды по методологии гуманитарного знания. В диссертации Ротакера (вышедшей как монография в 1920 г.) итогом сопоставления философии истории романтиков и Гегеля является отстаивание именно романтического взгляда на прошлое, подхваченного «исторической школой права», а затем и классиками немецкой историографии. Зомбарт был виднейшим представителем «исторической школы» в социологии и экономике — его учениками были некоторые наиболее активные публицисты в рамках КР.

Хорошим примером идеологического производства историков могут служить подогревающие национальные чувства книги. К «гвельфам» можно отнести одного из наиболее известных историков той поры К. Брейзига²⁵, который написал и книгу о «народной душе» Германии. Книга эта вовсе не шовинистическая, в ней признаются ошибки немецких политиков и военных. Но речь идет об особой роли немцев в мировой истории. Пусть таким образом, что не принимаются глупости, вроде того, что немцы «вершина» исторического процесса (этот взгляд даже отвергается как «примитивный»). У каждого народа свое место в европейской истории, а место Германии определяется как средоточие «духа». По книге хорошо видна та ориентация, которая близка «гвельфам» (как и всем *voelkisch*) — рассуждения об особой немецкой душе, в которой идеальное сочетание мистического и рационального, высокой философии и искусства (примеров в Германии, действительно, предостаточно). Именно эту «духовность» нужно всячески культивировать и сохранять — в борьбе с тлетворным влиянием массового общества, техницизма и т. п. Весь немецкий народ оказывается носителем этой высокой культуры *Denker und Dichter*.

Стоит заметить, что немецкая историография XIX — начала XX в. уже несла в себе некоторые черты КР. Ранке отдает примат внешней политике государства, а за ним эти идеи развиваются Ф. Мейнеке и Э. Кауфманом — *Machtpolitik* Бисмарка делается образцом для понимания прошлого (и будущего). Для немецких историков между властью и нравственностью существует некая предустановленная гармония: власть делается определителем нравственности, а война высшим проявлением государственного

²⁵ *Breysig K. Vom deutschen Geist und seiner Wesensart. Stuttgart und Berlin: J. G. Cotta'sche Buchhandlung Nachfolger, 1932.*

суверенитета. Лишь государство обладает волей, и эта воля — высшая. Государство гипостазировано как «сверхиндивид», как последняя и высшая ценность. Ведь без государства народ не обладает ни историческим существованием, ни культурой, ни самостоятельностью среди прочих племен и народов, населяющих Землю. Государство есть высшая идея. В мировой истории нет цели, имеется плюрализм эпох, народов, рас и т. д. Каждая такая индивидуальность одинаково близка к Богу (или далека от него), и каждая стремится себя утверждать. Романтический культ индивидуальности, стремящейся к полноте экспрессии, переносится на народы, а они могут утверждать себя лишь посредством государства и в борьбе с другими за «место под Солнцем», как выразился немецкий канцлер У. Э. Кауфмана формула «Nur der, der kann, darf!» (Лишь тому, кто может, позволено!) неплохо передает содержание Realpolitik. Через своих вождей народ определяет, может он или нет — все зависит от его решимости утверждать себя. Идеи абсолютного суверенитета, политики как отношения «друзей» и «врагов», «тотальной мобилизации» и т. п. восходят к такому пониманию истории.

Так как нас интересуют не собственно исторические сочинения «гвельфов» (те же труды по истории капитализма Зомбарта), а идеология, то наибольший интерес представляют труды, написанные «на злобу дня». Примером может служить вышедшая в разгар экономического кризиса книга Ф. Фрида «Конец капитализма»²⁶, в которой социологическому анализу немецкого общества того времени предшествует большой историософский раздел, перекликающийся не только с сочинениями его учителя Зомбарта (того периода, когда Зомбарт был близок марксизму), но даже известного труда Ленина. Однако яростная критика «позднего капитализма» у Фрида содержит и ряд идей, которые в дальнейшем будут развиваться серьезными учеными, в частности, в «Великой трансформации» К. Поланьи²⁷.

Не все «гвельфы» были наследниками романтиков, влияние Фихте²⁸ и Гегеля дает о себе знать, например, в небольшой книге Х. Фрайера «Рево-

²⁶ *Fried F.* Das Ende des Kapitalismus. Jena: Eugen Diederichs Vlg., 1931.

²⁷ Речь, естественно, идет не о влиянии Фрида (или даже Зомбарта), а об общности подходов и идей.

²⁸ Фихте нередко вспоминают в связи с его «Речами к немецкой нации» и проектом закрытого государства. Разумеется, он оказал значительное влияние на развитие немецкого национализма, но нельзя не учитывать того, что у Фихте обнаруживаются и совсем иные воззрения. На идеологов КР оказала влияние работа «Основные черты современной эпохи», в которой мы обнаруживаем предельно резкую критику индивидуализма и утилитаризма, буржуазного миропорядка как такового (определяемого влечениями к самосохранению и личному благополучию). «Современную эпоху» Фихте определяет как время освобождения от всех прежних

люция справа». В дальнейшем Фрайер станет одним из ведущих теоретиков индустриального общества, но уже здесь мы обнаруживаем тот «план истории», который рождает это бесклассовое общество. Истина социализма заключается в том, что рабочее движение вело на протяжении XIX в. борьбу за подъем, за интеграцию в нацию исключенных из нее пролетариев. Итогом этой борьбы оказалось индустриальное общество, в котором все являются работниками. Разделение труда делает всех тружениками огромной машины, которой нужны квалифицированные специалисты, а не рантье, по одну сторону, или лишь продающие свою рабочую силу, по другую сторону. Эпоха свободной конкуренции привела к возникновению картелей, трестов, концернов, которые тесно связаны с государством, с механизмами регулирования и планирования. Этот целостный социально-экономический и технический организм уже не может оставаться классовым государством. Субъектом истории перестает быть тот или иной класс, им становится весь народ (Volk). «Революция справа» в этом смысле есть продолжение и завершение «революции слева», ибо именно она завершает становление бесклассового государства.

Третий проект не мог получить какого-либо средневекового названия, поскольку тут мы имеем дело с идеологией, к которой термин «консерватизм» вообще может быть применен только с множеством оговорок. Одна из многочисленных небольших организаций, возглавляемая Эрнстом Никишем, дала ему наименование «национал-большевизм». В действительности, таких групп было много, просто Никиш был самым талантливым в этих кругах мыслителем и публицистом. Первая группа — «гамбургский национал-коммунизм» (Вольфхайм, Лауфенберг) — возникла еще в начале 1919 г., и с апреля 1920 г. существовала под названием «Коммунистическая рабочая партия Германии», которая вела яростную борьбу с подчинявшейся Москве компартией. Но и в самой КПГ периодически появлялись националистические тенденции (так называемый Scheringerkurs в 1931 г.). Коммунисты активно поддерживали Landvolkbewegung, в котором социальные требования крестьян соединились с национальными. Я уже упоминал Freikorps Oberland во главе с Беппо Ремером; в 1920-е гг. существовало несколько групп buendnischer Sozialismus, в 1930-е — Gruppe Sozialrevolutionaere Nationalisten (Карл Отто Петель), называемый по имени журнала «Gegnerkreis» во главе с Харро Шульце-Бойзенем, который затем эволюционирует к коммунизму, возглавляет одну из самых значительных

авторитетов, но одновременно и от всякой разумности («время безусловного равнодушия ко всякой истине и лишенной какой бы то ни было руководящей нити, совершенной разнузданности» — *Фухте И.* Факты сознания. Назначение человека. Наукоучение. М.: АСТ, 2000. С. 13).

групп Соппротивления «Красная Капелла» — она была целиком расстреляна в 1942 г. Журнал «Widerstand» Никиша был главным печатным органом, а наиболее оригинальным мыслителем здесь является формально не входивший ни в одну из групп Эрнст Юнгер.

Целью всех этих групп была социалистическая революция, которая одновременно выступала как национальная. Если «гибеллины» смотрят в прошлое, а «гвельфы» все же хотят спасти какие-то элементы сословного государства, то в «солдатском социализме» Юнгера и национал-большевизме Никиша прежнее общественное устройство отвергается полностью. Исходный пункт здесь национальный — либеральный капитализм воспрепятствовал тотальной мобилизации экономики во время войны, а потому она была проиграна. Обновление немецкого государства означает избавление не только от либерализма и парламентаризма; нельзя удивляться авторитарным режимом, вроде итальянского фашизма; в Гитлере тут видят наемника крупного капитала, он — «проклятие Германии» (так называлась вышедшая в 1932 г. брошюра Никиша). Пруссия является образцом и для Никиша, который считал фашизм порождением католического «Юга». Для возрождения Германии нужно истребить власть денег и деление на классы, необходимы плановая экономика, коллективизация сельского хозяйства и уничтожение юнкерского сословия. Все это — программа национальной революции. *Ostorientierung* означает здесь экономический и военный союз с Советской Россией. Никиш, посетив СССР в 1931 г., в своих статьях прославляет опыт пятилетки, индустриализации и коллективизации, и пишет о том, что планирование у поработанных народов не может быть менее глобальным и менее тотальным, чем у тех, кто их поработил. Революция должна распространиться на все колониальные страны. Пятилетний план в России демонстрирует всему миру, на какие жертвы может пойти народ, которому угрожает мировая капиталистическая система²⁹. Век личных свобод кончился, пришла эпоха «коллективного планирования».

---

²⁹ Достаточно сравнить взгляд Никиша на индустриализацию в СССР с воззрениями «гибеллинов» и «гвельфов», чтобы понять различия и в остальных позициях. В журнале Ф. Хильшера «Das Reich» (Heft 3, Heft 4) пятилетка приветствуется как «тотальная мобилизация», но со злорадством высмеиваются немецкие левые, полагавшие, что в Москве правят ученики Маркса, а там оказались наследники Ивана Грозного: десятки тысяч кулаков умирают в Сибири, зато страна получает возможность быстрой индустриализации и готовится к войне. Журнал Церера «Die Tat» помещает осторожные аналитические статьи, в которых не отрицается чудовищная жесткость коллективизации и индустриализации в условиях диктатуры, но выводы делаются реалистичные: Советская Россия быстро меняется, она способна стать как полезным союзником, так и опасным соперником Германии. В журнале «гибеллинов» «Der Ring» пятилетние планы высмеиваются как «потемкинские деревни».

Рабочий у Юнгера и Никиша — это новый человеческий тип, в жизненном мире рабочего доминирует не индивидуальность, но дисциплина и разделение труда; свобода понимается как наличие работы, возможность творческой деятельности, а не как свобода бездельника-рантье или парламентская говорильня. Рабочий готов подчиняться суровой реальности совместного труда и исполнять приказы тех, кто наделен техническими и организационными талантами. Правят те, в ком рабочий видит «первого слугу, первого солдата, первого рабочего». Рабочий — это одновременно солдат, завоевывающий мир с помощью техники и преобразующий мир в «технический ландшафт», «имперское пространство». Природа организуется и видится в перспективе технического господства, а сама человеческая природа меняется вместе с искусственными органами техники и промышленности. Диктатура пролетариата и диктатуры буржуазии переходящи, как и все наследие либеральной эры, а «вечной утопии Рейха» противостоит «вечная утопия хлеба и счастья». Русский большевизм уже поэтому сомнителен для Юнгера (но не для Никиша в период его увлечения «пятилеткой»): при всем стремлении к индустриализации в кратчайшие сроки в русском коммунизме отсутствует именно новый тип человека — труженика и солдата в одно и то же время. Есть рабы, подгоняемые плеткой деспота; со смертью последнего все развалится и замрет в бескрайних степях. Коммунизм есть мечта нищих, желающих «вечной хлебной карточки», тогда как Arbeiter воистину штурмует небо и преобразует земные ландшафты посредством техники.

Этот проект в наименьшей степени привязан к историческим датам и сочинениям историков. В «Революции нигилизма» Раушнинга «левым» нацистам приписываются воззрения Никиша и Юнгера (что не вполне верно) и говорится об «историческом нигилизме» сторонников своего рода «перманентной революции», чуть ли не о стремлении «загнать клячу истории». В известном смысле это — верное отображение апокалиптической революционности Никиша, хотя следует отметить у него и близкое левому гегельянству видение всемирной истории. В ней действуют не индивиды,

---

Шпенглер был близок именно этому — достаточно близорукому — взгляду. В «Годах решения» он писал о том, что ничего кроме варварского насилия и угрозы голодной смерти «азиатская деспотия» не принесла и не принесет. Большевизм в России умер — это единственная держава, которой он не угрожает, поскольку большевизм есть продукт разложения городской цивилизации Запада, тогда как в России она была просто сметена во время революции. Всякий социализм ведет к всевластию бюрократии, а в СССР попытки его осуществления привели к одичанию и голоду, которые способна сносить только «слабовольная и рожденная для рабского существования раса». Опасность эта азиатская деспотия представляет для Запада лишь потому, что она ведет подрывную пропаганду в колониях — таков вывод Шпенглера.

даже не народы и классы, а «фигуры» космического масштаба. Сделавшийся националистом социал-демократ Никиш превозносит «прусское начало» (Preussentum), но оно лишается всякого исторического содержания — остаются только дисциплина и способность к мобилизации. У Юнгера и Никиша глобальные исторические перемены происходят вместе со сменой «форм» (Gestalt) человеческого существования. Никаких законов, по которым один гештальт сменяет другой, не просматривается, зато актом интуиции улавливается основная жизненная установка человеческого типа. На 1930 г. таковым был объявлен Рабочий, воин и техник, готовый к «тотальной мобилизации». При всех отличиях, имеется нечто общее между этими воззрениями немецких авторов и утопиями, создававшимися в России (скажем, «Ювенильное море» А. Платонова). После войны аристократический пессимизм Юнгера найдет свое выражение в парадоксальном образе «стены времен», тогда как разочаровавшийся в эмпирических работах Никиш в середине 1950-х гг. будет писать о господстве двух взаимодополняющих типов — партийного чиновника на Востоке и менеджера на Западе. Волны гасят ветер, космический порыв застывает в неприглядных фигурах современности, но нет никакой исторической закономерности, которая воспретила бы новую попытку завершения истории.

Эта социальная и техническая утопия, равно как и «тотальное» прочтение истории напоминают не столько консерватизм, сколько труды левых гегельянцев (превращение «класса в себе» в «класс для себя» у Д. Лукача, диалектику господина и раба у А. Кожева). Здесь отсутствуют какие бы то ни было отсылки к немецкому романтизму, характерные для всех немецких консерваторов. На место Gemeinschaft тут приходят тотальная мобилизация и планетарная техника. Исходный национализм сменяется универсальным образом всемирной революции и царства труда (у Никиша в этом смысле наиболее характерна работа «Третья имперская фигура»). Конец этого проекта был тем же, что и у остальных — внутренняя эмиграция одних, участие в Соппротивлении других. По процессу подпольной организации Никиша проходило около ста человек, а сам он был приговорен к пожизненному заключению. Последней политической программой этой ориентации являются документы пленных немецких офицеров (Das Nationalkomitee Freies Deutschland).

Общим для всех трех проектов является не только отрицание Версаля и Веймара. Все они объединяют немецких националистов, которые приходят к тому или иному наднациональному проекту: западная цивилизация и объединенная христианскими ценностями в империю Европа у «гибеллинов», конфедерация народов Центральной и Восточной Европы у «гвельфов» или универсализм царства рабочего в национал-большевизме. И все отличаются от того проекта, который был осуществлен нацио-

нал-социализмом. КР не была чем-то вроде «троцкизма» в рамках национал-социализма, как определил ее А. Молер. Это сближение с нацизмом, естественное для автора, который, будучи швейцарцем, перебрался в Германию, чтобы добровольцем вступить в Waffen SS (а под конец жизни все-таки признался, что всегда был фашистом), в дальнейшем переходило из одной книги в другую. Формула оказалась удобной для тех, кто во всяком немецком национализме видит либо предшественников, либо пособников национал-социализма.

Все проекты КР принадлежат исторической ситуации, которая изменилась вместе с приходом Гитлера к власти. После войны и в условиях противостояния двух блоков все они утратили всякую актуальность. Немецкие консерваторы, которые видели в Америке главного врага в 1920-е гг., стали лучшими учениками и союзниками, тогда как сторонники «немецкого социализма», желавшие быть союзниками СССР, могли теперь быть только исполнителями приказов из Москвы. Конечно, у КР были наследники. В теории к ней восходят концепции индустриально-технического общества Гелена, Фрейера, Форстхоффа, в какой-то мере последователями можно считать часть немецких правых (скажем, из журнала «Criticon»). Но это уже не консерваторы, а «новые правые», которые выступают как яростные противники любой плановой экономики. Любопытно то, что и правые, и левые в сегодняшней Германии сходным образом фальсифицируют историю, сводя КР к национализму и шовинизму — одни со знаком «плюс», другие со знаком «минус». И тем, и другим не хочется вспоминать о том, что немецкие консерваторы были сторонниками социализма, понимали его радикальнее и глубже, чем «левые», да еще были яростными противниками Pax americana, что на сегодняшний день является поводом для немедленного обвинения в «правом экстремизме» (если не «национал-социализме»).

В любом случае, для Германии КР является историей (или почти стала ею), здесь отсутствуют какие бы то ни было условия для ее возобновления. Этого нельзя сказать о других странах. На протяжении 1960—1970-х гг. в самых разных странах существовали движения, столь часто называвшиеся одним словосочетанием FLN — фронт национального освобождения, сочетавшие национализм и социализм. Да и в России сегодня есть идеологи, прямо заимствующие основные лозунги КР — от автаркии и цезаризма («регулируемой демократии») до «национал-большевизма». И в этом смысле идеи КР сохраняют свою актуальность.

Препринты ИГИТИ ГУ ВШЭ

Серия WP6 «Гуманитарные исследования»

1. Савельева И.М., Полетаев А.В. Функции истории. Препринт WP6/2003/01. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
2. Дубин Б.В. Семантика, риторика и социальные функции «прошлого»: к социологии советского и постсоветского исторического романа. Препринт WP6/2003/02. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
3. Руткевич А.М. Психоаналитическое учение о символе и интерпретации. Препринт WP6/2003/03. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
4. Андреев М.Л. Второе рождение нормативной поэтики. Препринт WP6/2003/04. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
5. Самутина Н.В. Современное европейское кино и идея культуры («прошлого»). Препринт WP6/2003/05. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
6. Савельева И.М., Полетаев А.В. История и интуиция: наследие романтиков. Препринт WP6/2003/06. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
7. Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (истоикографические заметки). Препринт WP6/2003/07. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
8. Никс Н.Н. «Велик и благороден труд профессора» (Жизнь и деятельность московской профессуры второй половины XIX – начала XX вв.). Препринт WP6/2004/01. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
9. Юревич А.В. Социогуманитарная наука в современной России: адаптация к социальному контексту. Препринт WP6/2004/02. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
10. Андреев М.Л. Формы прошлого в классической европейской литературе. Препринт WP6/2004/03. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
11. Фрумкина Р.М. Психоллингвистика: что мы делаем, когда говорим и думаем. Препринт WP6/2004/04. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
12. Филиппов А.Ф. Конструирование прошлого в процессе коммуникации: теоретическая логика социологического подхода. Препринт WP6/2004/05. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
13. Руткевич А.М. Психоанализ и доктрина «исторической памяти». Препринт WP6/2004/06. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
14. Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом: типы и механизмы формирования. Препринт WP6/2004/07. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
15. Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом: источники и репрезентации. Препринт WP6/2005/01. М.: ГУ ВШЭ, 2005.

16. Капелюшников Р.И. Деконструируя Поланьи (заметки на полях «Великой трансформации»). Препринт WP6/2005/02. М.: ГУ ВШЭ, 2005.
17. Ерусалимский К.Ю. История на посольской службе: дипломатия и память в России XVI века. Препринт WP6/2005/03. М.: ГУ ВШЭ, 2005.
18. Савельева И.М., Полетаев А.В. История и социальные науки. Препринт WP6/2005/04. М.: ГУ ВШЭ, 2005.
19. Зарецкий Ю.П. История европейского индивида: от Мишле и Буркхардта до Фуко и Гринблатта. Препринт WP6/2005/05. М.: ГУ ВШЭ, 2005.
20. Фрумкина Р.М. Культурно-историческая психология Выготского – Лурия. Препринт WP6/2006/01. М.: ГУ ВШЭ, 2006.
21. Полетаев А.В. Валовой внутренний продукт Российской Федерации в сопоставлении с Соединенными Штатами, 1960–2004 гг. Препринт WP6/2006/02. М.: ГУ ВШЭ, 2006.
22. Руткевич А.М. Прошлое историка. Препринт WP6/2006/03. М.: ГУ ВШЭ, 2006.
23. Савельева И.М., Полетаев А.В. Знают ли американцы историю? Часть 1. Препринт WP6/2006/04. М.: ГУ ВШЭ, 2006.
24. Вахштайн В.С. «Неудобная классика» социологии XX века: творческое наследие Ирвинга Гофмана. Препринт WP6/2006/05. М.: ГУ ВШЭ, 2006.
25. Савельева И.М., Полетаев А.В. Знают ли американцы историю? Часть 2. Препринт WP6/2006/06. М.: ГУ ВШЭ, 2006.
26. Зарецкий Ю.П. Зачем писать это? (Послание римского папы турецкому султану). Препринт WP6/2006/07. М.: ГУ ВШЭ, 2006.
27. Самутина Н.В. Идеология ностальгии: проблема прошлого в современном европейском кино. Препринт WP6/2007/01. М.: ГУ ВШЭ, 2007.

Препринт WP6/2007/02
Серия WP6
Гуманитарные исследования

Руткевич Алексей Михайлович

**Времена идеологов:
Философия истории «консервативной революции»**

Зав. редакцией *А.В. Заиченко*
Выпускающий редактор *А.В. Заиченко*
Технический редактор *О.А. Быстрова*

ЛР № 020832 от 15 октября 1993 г.
Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать трафаретная.
Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 2,5. Усл. печ. л. 2,1.
Заказ № . Изд. № 671

ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3